

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ПОСТМЕТАФИЗИКИ

И. Л. ЧЕСТНОВ*



Честнов Илья Львович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории
и истории государства
и права Санкт-Петербургского
юридического института
(филиала) Академии
Генеральной прокуратуры РФ

Автор анализирует состояние современной философии, которое можно назвать постметафизическим. Это новый тип рациональности, ситуационность разума, лингвистический поворот и примат повседневности. Кризис современной философии обусловлен признанием ограниченности человеческого разума и отказом от метанарративов. В результате формируется постклассический тип рациональности, новый вариант философского дискурса, философии права. Постклассическая философия признает потенциальную неисчерпаемость, отсутствие единого референта у любого сложного социального явления или процесса, в том числе права. Постклассическая философия права задает новое представление о праве. Наивный объективизм права заменяется интерсубъективизмом; бессубъектность юридического нормативизма трансформируется в человекоцентризм; контекстуализм или релятивизм права приходят на смену универсализма; конструируемость правой реальности заменяет статичность права. Все потенциально неисчерпаемые модусы бытия права

имеют внутреннюю основу — правовую коммуникацию, содержанием которой выступает диалогичность. Постклассическая социальная философия формулирует следующую картину правовой реальности: 1) право создается (конструируется) людьми; 2) право обусловлено историческим и социокультурным контекстом; 3) право — многогранный, потенциально неисчерпаемый в своих внешних проявлениях феномен. Человекоразмерность, знаковость и практическая ориентированность — главные модусы бытия права с точки зрения постметафизического мышления. Одним из оригинальных проектов постклассической философии права является анализ И. А. Исаевым метафизики и мифологии права, закона и власти. Он доказывает, что современность как тотальная рациональность — один из мифов западной классической философии. Иррациональное является имманентным аспектом правовой реальности. Миф, по его мнению, всегда сопровождал человека, им пронизаны все его социальные, политические и правовые построения, идеалы и утопии. Роль философии права в постметафизическую эпоху состоит не только

* Ilya L. Chestnov — doctor of legal sciences, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint-Petersburg Law Institute (Branch) of Academy of Prosecutor General of the Russian Federation.

E-mail: ichestnov@gmail.com

© Честнов И. Л., 2017

в анализе иррациональной стороны права. Философия права — это «верхний» уровень юриспруденции, задающий способы онтологического, гносеологического и аксиологического обоснования права. Философия права задает научную эвристику, формулирует наиболее абстрактные правовые понятия, формирует юридическую картину мира, определяет предмет юриспруденции и ее методологию. Одновременно философия права вырабатывает критерии научности юридического знания и оценки практики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постклассическая философия, постметафизическое мышление, философия права, функции философии права, метафизика, метафизика права, правовая реальность.

CHESTNOV I. L. PHILOSOPHY OF LAW IN THE ERA POST-METAPHYSICS

The author analyzes the state of the modern philosophy which can be called post-metaphysical. This is a new type of rationality, a situational intelligence, a linguistic turn and a primacy of everyday life. The crisis of the modern philosophy is determined by recognition of limitations of a human mind and by refusal from meta-narratives. The result is a postclassical type of rationality, a new version of the philosophical discourse and the philosophy of law. The post-classical philosophy recognizes the potential inexhaustibility, the lack of a single referent in any complicated social phenomenon or process, including the law. The post-classical philosophy of law sets a new view on the law. Naive objectivism of the law is replaced by intersubjectivity; absence of a subject within the legal normativity is transformed into the anthropocentrism; contextualism or relativity of the law replace universalism; constructed character of the legal reality replaces the static nature of the law. All potentially inexhaustible modes of the law existence have an inner basis, that is a legal communication the content of which is a dialogue. The post-classical social philosophy creates the following image of the legal reality: 1) the law is created (constructed) by human beings; 2) the law is determined by the historical, as well as the social and cultural context; 3) the law is a multifaceted phenomenon, potentially inexhaustible in its external manifestations. The “humanity”, symbolic meaning and practical orientation are the main modes of the law existence, in terms of the post-metaphysical thinking. The analysis of the metaphysics and mythologies of the law, statute and power performed by I. A. Isaev is one of the original projects of the post-classical philosophy of law. He argues that the modernity as total rationality is one of the myths of the Western classical philosophy. The irrational is an inherent aspect of the legal reality. A myth, in his opinion, has always accompanied a person. The myth penetrates all social, political, and legal constructions, the ideals and utopia of the human being. The role of the philosophy of law in the post-metaphysical era is not only in the analysis of the irrational side of the law. The philosophy of law is a “top” level of jurisprudence that sets the ways of ontological, epistemological and axiological justification of the law. The philosophy of law sets the scientific heuristics, formulates the most abstract legal concepts, forms legal image of the world, and defines the subject of jurisprudence and its methodology. At the same time, the philosophy of law develops the criteria of a scientific character of the legal knowledge and assessment of the practices.

KEYWORDS: post-classical philosophy, post-metaphysical thinking, philosophy of law, function of the philosophy of law, metaphysics, metaphysics of the law, legal reality.

Современная философия — и философия права — находится на распутье, в глубоком кризисе. Казалось бы, после безуспешных попыток «сбросить философию с корабля истории», предпринятых позитивистами, она обрела свое место под солнцем. Но парадокс состоит в том, что пост-

позитивисты вернули философии ее место в научном дискурсе, однако это обернулось очередным кризисом философского знания¹. Постметафизическое мышление — одно из проявлений этого кризиса. Ю. Хабермас, автор термина «постметафизическое мышление», сформулировал проект преодоления метафизики для того, чтобы утвердить научный статус философии в ситуации трансформации критериев научной рациональности. На место тотальной метафизической рациональности, выступающей органическим аспектом мира, в современной эпистемологии, с его точки зрения, приходит новый тип рациональности, который представлен дискурсивными процедурами делиберации. Философия, по его мнению, сегодня утратила автономию от позитивной науки, которая, тем не менее, сохраняет зависимость от философских оснований. Ю. Хабермас выделяет следующие четыре черты метафизического мышления: принцип тождества, идеализм, философия сознания как «первая философия» и концепт сильной теории. Постметафизическое мышление, в свою очередь, характеризуется процедурной рациональностью, ситуационностью (или контекстуальностью) разума, лингвистическим поворотом и приматом повседневного². Способен ли преодолеть кризис философии — и, соответственно, философии права — проект процессуальной (процедурной и дискурсивной) делиберации, предлагаемый, возможно, последним великим философом? Каковы контуры, содержательные характеристики новой, постметафизической философии и философии права?

Думаю, что современный кризис философии обусловлен в первую очередь признанием ограниченности человеческого разума (переходом от законодательного или законодательствующего разума к интерпретативному — по терминологии З. Баумана³) и, как следствие, отказом от метанарративов. Философия мельчает. Б. В. Марков полагает, что изменения в современной философии связаны прежде всего со «спектакляризацией» современного общества⁴, «в котором люди представляют себя на сцене жизни, где политика становится театром», а также с трансформацией средств и форм коммуникации⁵. «Какова стихийная реакция философов

¹ Р. Рорти даже утверждал, что «философия в Англии и Америке уже заменена литературной критикой» (Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 124).

² Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt/M., 1988. S. 16–17, 44.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 77, 83 и сл.

⁴ По мнению известного отечественного философа, сегодня возникает все больше сомнений, существует ли общество, так как «никак нельзя назвать то, что видишь вокруг себя, обществом... Когда мы констатируем отсутствие общества, то имеем в виду распад личных, моральных и социальных связей между людьми. У нас нет никаких общих дел. Индивидуализм дополняет социальную разобщенность, мы не интересуемся делами друг друга. Если бы нашим соседом стал сам Бог, то мы бы это, пожалуй, и не заметили» (Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб., 2011. С. 582–583).

⁵ «Речь идет о смене форм коммуникации, которую мы переживаем. Кажется, эпоха книги закатывается и новыми медиумами массовой коммуникации становятся не понятия, а образы и звуки... Современные массмедиа опираются на аудиовизуальные знаки, которые ни к чему не отсылают, а обладают прямым, так сказать, «магнетопатическим» воздействием и буквально гипнотизируют, завораживают людей. При этом

на интервенцию массмедиа? Старшее поколение видит в них признак разложения высокой культуры и потому расценивает их как нечто враждебное, чему следует активно противостоять — и прежде всего административными ресурсами: укреплять традиционную систему образования. Молодые вынуждены реагировать более гибко. Нынешние школьники и студенты младших курсов с трудом читают книги, зато перед экраном чувствуют себя как рыба в воде. Учебники, напоминающие по форме комиксы, становятся реальностью. У преподавателей старшего поколения они вызывают ментальную судорогу. Кажется, что это и есть отрицание философии, и можно смело констатировать ее смерть. По инерции книги пишутся и даже читаются, но конец уже близок: молодежь не способна их читать. Поэтому вопрос об изменении форм философии, о близости ее искусству, в том числе и массовому, это и есть вопрос о ее выживании в новых условиях»⁶.

Состояние философии в постсовременном социуме определяется теми изменениями, которые произошли в нем во второй половине XX в. Прежде всего, практики индустриальной социальности заменяются постиндустриальными, информационными. В связи с этим определяющей «сферой» общества становится не экономика (это признают даже сторонники постмарксизма), а культура⁷ как система означивания. Поэтому справедливо утверждение, что современная философия по преимуществу является философией языка (и это относится отнюдь не только к аналитической философии)⁸. Лингвистический поворот задает вектор развития всей философской мысли. В результате приходится признать, что реальность не существует вне или без ее репрезентации в языке⁹. Одновременно происходят антропологический и практический повороты, которые, вместе с лингвистическим, определяют содержание постметафизики или постклассической философии, а значит, и философии права.

нет речи о рефлексии по поводу их смысла и значения. Это кажется концом не только книжной культуры, но и культуры вообще, включая философию» (Там же. С. 103).

⁶ Там же. С. 5–6.

⁷ «Современные цивилизационные изменения, — утверждает В. С. Степин, — определены множеством факторов: экономических, политических, технологических и т. п. Но, пожалуй, центральное место среди них занимают факторы культуры... Постепенно выяснилось, что нет такой области деятельности, поведения и общения людей, нет таких социальных институтов, которые бы возникали, воспроизводились и изменялись вне влияния культуры» (Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 17).

⁸ Марков Б. В. Люди и знаки... С. 15 и сл. — И. Т. Касавин пишет: «Последние тридцать лет особое внимание философов фокусируется на теме “Познание и язык”, которая грозит даже поглотить собой всю эпистемологическую проблематику» (Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение и социальную эпистемологию языка. М., 2008. С. 7). И продолжает: «Язык — ключевой объект при анализе человеческого мира во всей его полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь социокультурной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом» (Там же. С. 93).

⁹ Только в рамках языка определяется, «что такое “истина”, “мир” и “значение”. Соответственно, помимо языка не существует независимых масштабов оценки моральности, красоты, блага, рациональности и т. д. ... Явление как знак оказывается единственно возможным способом данности непосредственно действительности» (Марков Б. В. Знаки бытия. СПб., 2001. С. 43).

Постклассическая (или постнеклассическая) философия, по мнению В. С. Степина, формирует постклассический (постнеклассический) тип рациональности, который обеспечивает освоение сложных саморазвивающихся систем, вырабатывает отличные от классических и неклассических идеалы и нормы научности, и отличается типом рефлексии над ценностно-целевыми структурами исследования, которые инкорпорированы в комплекс философско-мировоззренческих оснований науки и обеспечивают обоснование научных картин мира и нормативных структур соответствующей исторической эпохи¹⁰.

Постклассика признаёт потенциальную неисчерпаемость, отсутствие единого референта у любого сложного социального явления или процесса, в том числе права¹¹. Это вытекает из постулата неисчерпаемости, постоянной изменчивости и непознаваемости всей полноты социального мира в силу как его (мира) предельной сложности, так и ограниченности человеческого познания, что не отрицает возможность и необходимость его познавать. Отсюда — отказ или, по крайней мере, переосмысление с позиций постклассической эпистемологии сущности, истины, рациональности и т. п. онтических категорий права и в праве. Это не означает полный

¹⁰ *Степин В. С.* Цивилизация и культура. С. 164–165.

¹¹ «Права “как такового” не существует. Это означает, что у данного слова нет определенного эмпирически узнаваемого референта. Слово “право” не привязано жестко к какому-либо внешнему эмпирическому объекту» (*Поляков А. В.* Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. тр. / редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) и др. Минск, 2012. С. 19). «Нам следует принять или признать, — делает весьма радикальное заявление канадский философ и теоретик права Б. Мелкевик, — что право не имеет никакого реального или эмпирического “существования” в этом мире. Право не имеет никакого физического или материального существования в социальном или политическом мире, и еще меньше — существования с точки зрения наличия или действительности, не говоря уже о том, чтобы быть или иметь и что, в конечном счете, следует действовать и думать соответствующим образом... В этом смысле не существует никакого “объекта”, называемого “правом”, в реальном, материальном, фактическом или просто “осознаемом” мире! Право не является чем-то “самим по себе” или не имеет этого признака, и мы не располагаем таким средством научного познания, которое позволило бы нам установить, чему может реально, действительно или объективно соответствовать эта символическая репрезентация, называемая “правом”. Итак, ошибочно писать и думать будто “право” существует как “объект” который можно схватить!» (*Мелкевик Б.* Юридическая практика в зеркале философии права / пер. с фр. и англ. М. В. Антонова, А. Н. Остроух, В. А. Токарева, Е. Уваровой и др.; отв. ред. М. В. Антонов. СПб., 2015. С. 139). «Так как право является непрерывным процессом, — утверждает Ч. Варга, — мы не можем помыслить его в его целостности (т. е. помыслить “право вообще”) как единообразное, завершённое и неизменно самодеятельное. Будучи явлением, получаемым посредством различных беспрестанно действующих противодействующих процессов, оно всегда будет демонстрировать различные стороны, компоненты и способы формирования (с возможностью временных конфликтов и одного окончательного на данный момент результата) в каждый момент времени... По определению, а также согласно своему онтологическому основанию, право является многофакторным процессом, состоящим из суммы актуализаций, выражающихся в цепочке различных связанных между собой и исторически обусловленных актов» (*Варга Ч.* Загадка права и правового мышления / пер. с англ. и венг.; сост. и науч. ред. М. В. Антонов. СПб., 2015. С. 37).

разрыв с классикой, но предполагает демонстрацию ее неполноты, ограниченности, односторонности¹².

Постклассическая философия права задает новое представление о праве, значительно отличающееся от «классического». Наивный объективизм, реифицирующий правовое бытие, заменяется *интерсубъективизмом*; бессубъектность юридического нормативизма трансформируется в *человекоцентризм*; *контекстуализм*, *историческая и социокультурная обусловленность права или релятивизм* приходят на смену универсализма; *конструируемость правовой реальности как механизм ее воспроизводства, задающий практическое измерение, включающее процессуальность*, заменяет статичность права; все потенциально неисчерпаемые модусы бытия права имеют внутреннюю основу — правовую коммуникацию, содержанием которой, с моей точки зрения, выступает *диалогичность*. Все это — более адекватная картина правовой реальности. Конечно, и ранее представители неклассического правоведения и даже классической юриспруденции (например, представители социологии права или психологического правопонимания) акцентировали внимание на некоторых перечисленных выше моментах, аспектах онтологии права. Так, социология права (а ранее — историческая школа права) постулировала динамику права, психологическое правопонимание — роль эмоций в функционировании права; правовой реализм обращал внимание на вопросы правовой политики. Но адекватного (пост)современным условиям механизма правогенеза (или, точнее, воспроизводства правовой реальности) предложено, тем не менее, не было. Кроме того, всем им свойственны монизм, монологизм, односторонность, а не диалогичность бытия права.

Несколько слов по поводу приведенных выше аспектов правовой реальности. Принцип неопределенности как невозможности полного, объективного, аподиктично-универсального описания и объяснения всей полноты права (хотя можно спорить с его аутентичностью — это сугубо

¹² Постклассические концепции сегодня сосуществуют с классическими. Прав А. В. Поляков, утверждающий: «Впрочем, различие между классической теорией права и теорией права постклассической не стоит ни преувеличивать (тем более, абсолютизировать), ни преуменьшать. Переход к постклассическому правоведению, по нашему мнению, не означает полного разрушения основ классической теории, включая ее составную часть — юридическую догматику... Постклассическое правоведение, как и классическое естественно-правовое, проблематизирует само понятие права, саму возможность его беспрепятственного нахождения в текстуальном пространстве “позитивного”» (Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избр. труды. СПб., 2014. С. 136–137). По мнению В. С. Степина, возникновение «каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. При решении ряда задач неклассический и постнеклассический подходы могут быть избыточными и можно ограничиться классическими нормативами исследования. Научная рациональность на современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности» (Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: мат-лы междунар. науч. конф. «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред.: А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М., 2012. С. 18).

авторский концепт) постулирует отказ от единственно верной точки зрения и эпистемологический плюрализм¹³. Он вытекает из постулата произвольности и неопределенности (хотя и относительных) референции¹⁴. Одновременно он ставит ограничения «законодательному разуму» (термин З. Баумана) в претензии на формирование беспробельной, завершенной, непротиворечивой системы права¹⁵. В то же время это не означает равенства или равноправия любой точки зрения — они могут быть более убедительными, аргументированными или менее, исходя из современных исходных теоретических (философских) допущений. Другое дело, что то, что сегодня представляется более верным, не обязательно останется таковым и завтра. Пересмотр устоявшихся, принимаемых как самоочевидные аксиом, догм — важнейшее требование постклассической науки.

Антиобъективизм (критика вульгарного объективизма) — это признание социокультурной обусловленности научного познания, интересубъективности процесса его воспроизводства. Об этом достаточно подробно пишет Ю. Хабермас: «Объективность мира, которую мы подменяем в языке и действиях, скрещивается с интересубъективностью соглашения относительно чего-либо в мире столь крепко, что мы не можем отстраниться от этой связи, не можем вырваться из раскрытого в языке горизонта нашего интересубъективно разделяемого жизненного мира»¹⁶. В другом месте он пишет: «Субъекты, способные к речи и действию... подменяют (*unterstellen*) “мир” как совокупность независимых существующих предметов, которые можно оценивать или как-то с ними обращаться. “Доступными оценке” являются все предметы, о которых вообще возможны фактические высказывания. Но лишь с предметами, идентифицируемыми в пространстве и во времени, можно “обращаться” в смысле целенаправленной манипуляции. “Объективность” мира означает, что мир “дан” нам как “для всех идентичный”. При этом именно языковая практика — прежде всего практика употребления единственных в своем роде терминов — вынуждает

¹³ Х. Патнэм утверждает, что не существует точки зрения Божественного видения, которую мы можем узнать, а существуют только различные точки зрения конкретных людей, отражающие различные интересы и цели (*Putnam H. Reason, Truth, and History. Cambridge, 1981. P. 49–50*).

¹⁴ «Существует бесконечное множество отношений между словами или ментальными репрезентациями, с одной стороны, и объектами или множествами объектов с другой, и бесконечное множество моделей, которые сделают истинной любую теорию референции. Таким образом, нет способа определить референцию однозначным образом посредством теории референции» (*Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М., 2004. С. 313*).

¹⁵ Это хорошо понимали реалисты США или Г. Харт, утверждавший: «Какой бы механизм, прецедент или законодательство ни выбрать для сообщения образцов поведения, они, как бы гладко ни работали среди огромной массы обычных случаев, окажутся в некоторый момент, когда их применение будет под вопросом, неопределенными: они будут обладать тем, что терминологически выражается как *открытая структура (open texture)*» (*Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007. С. 130*).

¹⁶ *Хабермас Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М., 2011. С. 43–44.*

нас к прагматической подстановке общего для всех объективного мира. Встроенная в естественные языки система референции обеспечивает говорящим формальное предвосхищение возможных соотносящихся между собой предметов. Посредством этой формальной подмены мира коммуникация о чем-либо в мире пересекается с практическими вмешательствами в мир. Для говорящих и акторов это один и тот же объективный мир, о котором они могут договариваться и в который они могут вмешиваться»¹⁷. С этой точки зрения «реально» все, что может быть представлено в истинных высказываниях, хотя факты интерпретируются на таком языке, который в данном случае является «нашим». Сам мир не навязывает нам «свой» язык; сам он не говорит, а «отвечает» лишь в переносном смысле. «Действительным» мы называем существование высказанных положений вещей. Но это «веритативное бытие» фактов — соответственно репрезентационной модели познания — нельзя представить как отраженную действительность и тем самым приравнять к «существованию» предметов»¹⁸.

Более того, как утверждает Х. Патнэм, вопрос об объективности мира уместен только внутри соответствующей теории описания. «Объекты» не существуют независимо от концептуальных схем. Мы «разрезаем» мир на объекты, когда мы вводим ту или иную схему описания. Поэтому наши понятия зависят от нашей биологии и нашей культуры. Они не являются «ценностно свободными». Но именно они определяют вид объективности, объективности для нас, даже если это не метафизическая объективность Божественного видения¹⁹. По мнению Дж. Лакоффа, в нашем обществе «существует важнейшая народная теория, согласно которой быть объективным — значит быть беспристрастным, а человеческим суждениям и оценкам свойственно быть ошибочными и с большой степенью вероятности основываться на предубеждениях. Следовательно, решения, касающиеся людей, должны делаться, насколько это возможно, на максимально «объективных» основаниях. «Объективность» — это для людей, принимающих решения, лучший способ избежать ответственности. Если существуют «объективные» критерии, на которых основывается решение, тогда того, кто принял решение, невозможно обвинить в пристрастности и, как следствие, подвергнуть критике, понизить в должности, уволить с работы или подать на него в суд»²⁰. Сегодня постклассическая объективность как интересубъективность «состоит в том, чтобы оставить свою точку зрения и посмотреть на ситуацию с других точек зрения — как можно более разнообразных»²¹. Все это самым непосредственным образом относится

¹⁷ Там же. С. 32–33.

¹⁸ Там же. С. 33–34.

¹⁹ Putnam H. Reason, Truth, and History. P. 52, 55.

²⁰ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи... С. 244–245.

²¹ Там же. С. 391. — Во многом это согласуется с принципом дополнительности Н. Бора и принципом «умеренного концептуального релятивизма» (не путать с моральным релятивизмом!) как необходимости учета альтернативных точек зрения (Там же. С. 392). Более того, «непризнание концептуального релятивизма в тех областях, где он существует, действительно влечет этические последствия. Оно ведет прямоком к концептуальному элитаризму и империализму — к идее, что только наше поведение, но не

и к онтологии права. Интерсубъективность — главное отличие постклассического правопонимания, по мнению С. И. Максимова. Он пишет: «Онтологической основой права выступает межсубъектное взаимодействие, но не как некоторая субстанциальная реальность, а как его идеально-смысловой аспект, когда совместное существование людей грозит обернуться произволом, а потому содержит момент долженствования для ограничения такового. Поэтому правовая онтология оказывается онтологией интерсубъективности, а “первореальностью” права выступает смысл права, заключающийся в определенном долженствовании»²².

Релятивность права — это его связь, хотя и не абсолютная, с другими социальными явлениями и обществом как социальное представление о целостности социального мира, доминирующее в обыденном сознании человека²³. Тем самым провозглашается относительная автономность права, его обусловленность экономикой, политикой и другими социальными явлениями и процессами, формой которых, по большому счету, и выступает право. В этом смысле нет «чистых» правовых явлений, которые не были бы одновременно психическими, экономическими и т. д. феноменами. Но такая релятивность права не отрицает его универсальности. Универсальным в праве можно считать правовую коммуникацию, по мнению А. В. Полякова, диалог и, с моей точки зрения, функциональную значимость права²⁴. В принципе, нельзя отрицать универсальности таких модусов бытия права, как мера свободы, формальное равенство, справедливость, на чем настаивают сторонники либертарного правопонимания. Однако конкретное содержание меры свободы, формального равенства и справедливости всегда контекстуально обусловлено историческими и социокультурными факторами, а потому относительно.

Постклассическая философия права настаивает на том, что право — творение рук и ума человека, социализированного в определенной правовой культуре²⁵. В этом проявление антропологического и одновременно практического (конструктивистского) поворотов, которые опре-

поведение других людей является разумным, и к попыткам распространить наш способ мышления на других» (Там же. С. 438).

²² *Максимов С. И.* Концепция правовой реальности // Право Украины. 2013. № 4. С. 26.

²³ «Нет формального определения тому, какая структура может называться “чисто правовой”, как нет четкого определения, отграничивающего некую социальную сферу от не-правовой сферы» (*Варга Ч.* Загадка права и правового мышления. С. 193).

²⁴ По мнению Ч. Варга, «право есть глобальный феномен, интегрирующий общество как целое» (Там же. С. 190).

²⁵ Поэтому актуальное или фактически существующее право принципиально несовершенно — далеко от идеала — и подвержено перманентным трансформациям. По мнению Б. Мелкевика, юридическая современность всегда незавершена. Она напоминает лабиринт, «который беспрестанно строится и перестраивается, который постоянно усложняется, лабиринт, в котором мы оказались без карты и компаса и в котором поэтому мы можем положиться только на нашу верность праву, наше доверие к праву, нашу волю к праву, наши “мысли” о праве, способные нас поддержать и позволить нам действовать последовательно» (*Мелкевик Б.* Юридическая практика в зеркале философии права. С. 68).

деляют содержание постсовременного гуманитарного знания. Все проявления права — «искусственные конструкции, созданные человеком: навыки, разработанные в рамках постоянно контролируемого опыта, накопленного многими поколениями, подкрепленные и подтвержденные непрерывными человеческими попытками социализации, регенерации и переконвенционализации»²⁶. Модусы бытия права, по мнению венгерского философа и теоретика права, «не более чем искусственные социальные конструкты, которые, несмотря на последовательное обезличивание формализованными процессами, обусловлены личной ответственностью человека, принимающего решения. В частности, выражаемые таким образом убеждения заключают в себе толкование, мировоззрение, призвание, целесообразность, практичность — т. е. всю полноту человеческой сущности во всем многообразии свойств и способностей человека, включая, помимо разума, еще и эмоциональную культуру, интуицию, восприимчивость к мистическим влияниям и т. п., во всех их проявлениях»²⁷.

Вышеизложенное дает основание заключить, что постклассическая социальная философия задает следующую **картину правовой реальности**: 1) право создается (конструируется) людьми, хотя и не волюнтаристски-произвольным образом; право не есть некая мера, гармония, существующая как данность в природе вещей; 2) право обусловлено историческим и социокультурным контекстом; оно не существует в «чистом виде», вне или без социальности — интеракций экономического, политического и т. д. видов; 3) право — многогранный, потенциально неисчерпаемый в своих внешних проявлениях феномен; существование права складывается прежде всего из комбинации людей, их действий, знаков, ментальных образов, смыслов и значений, материальных предметов, процесса интерпретации людей, их действий и предметов. Человекоразмерность, знаковость и практическая ориентированность — главные, на мой взгляд, модусы бытия права с точки зрения постметафизического мышления. Основанием этих модусов бытия права выступают правовая коммуникация, диалог как содержание социальности.

Таким образом, постклассика — это новое прочтение, переинтерпретация правовой реальности, понимаемой как бытие права или система права. **Правовая реальность**, с позиций постклассической парадигмы, — это человек (включая объединения, коллективы людей), социализированный в определенной правовой культуре, конструирующий правовую систему; **знаковые формы**, закрепляющие образцы должного (в широком смысле, включая меру запрещенного и дозволенного поведения) и опосредующие жизнедеятельность человека; **действия человека** (шире — его поведенческая и ментальная активность) по воспроизводству (в том числе переконструированию) правовой системы, интериоризирующие внешние факторы, обуславливающие селективный выбор человека. Качество «правового» формируется знаковой формой, наделяющей физиче-

²⁶ Варга Ч. Загадка права и правового мышления. С. 178–179.

²⁷ Там же. С. 196–197.

ское, фактическое поведение (взаимодействия) статусом юридического так же, как культура переводит материальное (физическое) в социальное. Функционирование системы права осуществляется через означивание — бинарный код, задаваемый извне политикой права, которая переводит экстраправовые факторы (в том числе мораль) в юридические явления. Поэтому, повторяюсь, нет правовых феноменов в «чистой» их явленности, а есть приписывание (аскрипция, в терминологии Г. Харта, или вменение, по Г. Кельзену) некоторым социальным явлениям, событиям и процессам свойства «быть правовыми». Таким образом, правовая реальность — это не отдельная (в эмпирико-наглядном смысле) сфера общества, а срез, сторона, аспект социальности, возникающий при означивании (юридической квалификации) тех или иных социальных связей и интеракций как правовых. «Нет такой вещи, как право», но есть практическая активность человека по конструированию и воспроизведению правовой реальности. При этом правовая реальность является многогранным феноменом, который невозможно описать исчерпывающим образом и объяснить одним непротиворечивым способом (и даже множеством таких способов).

Одним из оригинальных проектов постклассической философии права, с моей точки зрения, является анализ И. А. Исаевым метафизики и мифологем права, закона и власти. В своих многочисленных работах, публикуемых с начала 1990-х гг., он доказывает, что современность как тотальная рациональность — один из мифов западной классической философии. Иррациональное, с которым настойчиво боролись философы эпохи Просвещения, как утверждает И. А. Исаев в своем семичастном цикле исследований, объединенных одним названием «Метафизика власти и закона»²⁸, является имманентным аспектом правовой реальности. «Устойчивое мнение о сущности права настаивает на его рациональном характере. Причинно-следственные связи и формальная логика как бы подтверждают такую оценку. На правовые нормы и решения ссылаются как на последний авторитет, и современная научная теория права на этом настаивает»²⁹. Однако «иррациональные элементы укоренены в самом существе и структуре права, идее права, норме и правоприменении... Предполагаемые цели и смысл нормы на стадии ее применения часто полностью изменяют свои первоначальные качества. Норма и правоприменение расходятся между собой категорически. Причина заключается не в дефектах исполнения права (или не только в них), но в некоей онтологической сущности права, когда в результате действия многообразных факторов право меняет свою направленность»³⁰. Историческое исследование, проведенное И. А. Иса-

²⁸ Исаев И. А. 1) Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. М., 2012. С. 3; 2) *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. М., 2003; 3) Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006; 4) Топос и номос: Пространства правопорядков. М., 2007; 5) Господство. Очерки политической философии. М., 2008; 6) Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2009; 7) Идея порядка в консервативной ретроспективе. М., 2011.

²⁹ Исаев И. А. Теневая сторона закона... С. 3.

³⁰ Там же. С. 3–4.

евым, недвусмысленно убеждает в ограниченности рациональности (по крайней мере «классической» рациональности) права³¹. «Если классическая философия считала, — полагает Б. В. Марков, — что индивиды смогут договориться и мирно сосуществовать друг с другом на основе разума, то современные философы в связи с дискредитацией универсалистских представлений о разуме и поисками новой концепции гибкой, изменчивой рациональности в конце концов вынуждены искать какие-то вне- или до-когнитивные основания единства»³².

«Миф всегда сопровождал человека, им пронизаны все его социальные, политические и правовые построения, идеалы и утопии»³³. По своей структуре политическое сознание, утверждает И. А. Исаев, почти совпадает с мифологическим³⁴. «Власть точно так же, как и миф, требует для себя абсолютной веры в свою истинность и правоту, нимало не заботясь о наличии каких-либо особых аргументов для ее подтверждения, поэтому уже сама идея ее легитимности строится на вполне очевидных метафизических основаниях»³⁵. Действенность правопорядка обеспечивается ритуальностью юридического. «Любое юридическое действие ритуально по своей природе. Поскольку его целью является изменение существующего порядка вещей (восстановление нарушенного отношения, изменение рутинного хода событий в форме запрета, создание, почти теургическое, новых, ранее не существовавших связей и статусов и т. п.), осуществляемое в сакрализованых и, одновременно, предельно формализованных символических актах, таких как “возмездие”, “пресечение”, “установление”, “регулирование” и т. д.»³⁶. Ритуальность права, в свою очередь, дополняется его формальностью: «Содержание закона чудесным образом сливается с его формой, а для исполнителя сама форма часто приобретает даже большее значение, чем содержание, ведь именно форма вносит

³¹ В другой работе он пишет: «Амбициозная убежденность современной политико-правовой науки в чистом рационализме своих категорий и понятий в жизни постоянно сталкивается с неизвестно откуда возникающими феноменами иррационального и стихийного. Как правило, adeпты этой науки просто-напросто отворачиваются от всех необъяснимых явлений и фактов, поскольку вмешательство иррационального угрожает разрушить всю выстроенную ими рационалистическую систему знания. Однако иррациональное не оставляет ее в покое, проникая в самую суть властных и правовых понятий и представлений» (Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. С. 8).

³² Марков Б. В. Люди и знаки. С. 14. — В другом месте он утверждает, что современное общество «нашло иные формы достижения единства, и сегодня оно достигается не моралью, а массмедиа» (Там же. С. 77).

³³ Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. С. 10. — В. П. Малахов по этому поводу заявляет: «Мифологизация сегодня на самом деле является вовсе не экзотикой, а обычным и весьма распространенным, хотя и старательно неререфлексируемым, процессом, сопровождающим нормативно-регулятивные системы и познавательную деятельность в целом. Мир без мифов — миф» (Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М., 2013. С. 8).

³⁴ Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. С. 16. — По мнению В. П. Малахова, «миф — лишь глубинный, но напрямую не актуализированный слой общественного сознания» (Там же. С. 7).

³⁵ Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. С. 16, 17.

³⁶ Там же. С. 417.

в эти предписания необходимую им иерархию смыслов и ценностей, выстраивает системы составляющих закон элементов... порождает новые, ранее не существовавшие смыслы и цели»³⁷. Поэтому можно согласиться с утверждением, что «мир изменяется благодаря изменениям называющих и описывающих его слов, когда формируются новые категории восприятия и оценки, предписывающие новое видение делений и распределений, т. е. в ходе трансформации номоса»³⁸.

Размышляя о перспективах современного юридического знания, И. А. Исаев приходит к следующему выводу: «Наука о власти и законе не может строиться на чисто материалистических началах, дух и идеал в скрытой или явной форме присутствуют в ее положениях. Однако серьезную опасность для нее представляют также внешне нейтральный и индифферентный позитивизм и утрированные, догматические нормативизм и рационалистичность: для всего необходимы мера и соразмерность, живой и непредвзятый взгляд всегда отмечает неисчерпаемую многообразность мира, односторонность же подходов, когда частичное претендует на значение всеобщего, чревата не только интеллектуальными заблуждениями. Наука о власти и законе должна быть открытой как для научных новшеств и методов, так и для ценностей и опыта далекого прошлого, того, что называется Традицией»³⁹.

Слухи о том, что социальная философия — о чем мечтали мыслители эпохи Просвещения — расколдовала мир и сформулировала содержание Законодательного Разума, оказались слегка преувеличенными⁴⁰. Повседневные практики, из которых соткано мышление и бытие юристов (а тем более обывателей), далеки от идеала, олицетворяемого юридическим Геркулесом⁴¹. Так, Р. Познер в работе, посвященной мышлению судей, утверждает, что судьи при принятии решений руководствуются своим опытом, эмоциями, темпераментом, другими осознаваемыми и бессознательными личностными характеристиками, часто политическими соображениями. В то же время их судебный произвол ограничен внутренними и внешними факторами, такими как профессиональная этика, мнения уважаемых коллег, а также ограничениями, накладываемыми другими ветвями власти⁴². Все это, как видим, далеко от идеала классической рациональности, выраженного в фигуре юридического Геркулеса, и лишний раз

³⁷ Там же. С. 427.

³⁸ Там же. С. 430.

³⁹ Там же. С. 478.

⁴⁰ «Рационалистическая демифологизация, направив свой удар против предрассудков, не добилась ничего, кроме того, что породила только новые мифы и мифологемы» (Там же. С. 381).

⁴¹ Фигуру «юридического Геркулеса» вводит в научный оборот Р. Дворкин для обоснования возможности рационального обоснования судебного решения, разрабатывающего «теории о том, чего требуют законодательный замысел и принципы права» (Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. С. 152). При этом предполагается, что «юридический Геркулес» способен найти единственно верное решение в любом, даже самом сложном деле.

⁴² Posner R. How Judges Think. Cambridge, 2008.

подтверждает необходимость пересмотра классического идеала рациональности права, чем и занимается постклассическая философия права.

Вернемся к вопросу, сформулированному в начале статьи: в чем же состоит роль философии права в постметафизическую эпоху? Несомненно, исследование мифической и отчасти даже мистической составляющей нашей правовой реальности, ее иррациональных аспектов, идеологием и других форм «искажения сознания» (хотя существует ли «неискаженное сознание» — сегодня большой вопрос)⁴³ — задача чрезвычайно важная и интересная. Однако философия права в эпоху постметафизики призвана осуществлять рефлексию — задавать вопросы, которые «по определению» не имеют окончательного ответа (по крайней мере единственно правильного)⁴⁴, относительно всей правовой реальности, права как такового, его оснований, включая сами вопросы о праве, а не только о его отдельных аспектах бытия. Философия, по мнению В. С. Степина, будучи рефлексией над основаниями культуры, призвана обеспечивать «стыковку» научной картины мира (схемы объекта) с идеалами и нормами науки (схемой метода) и с мировоззрением эпохи, с категориями ее культуры⁴⁵. Одновременно философские основания науки включают также идеи и принципы, которые обеспечивают эвристику поиска⁴⁶. Исходя из такой трактовки философии, можно сделать вывод, что философия права — это «верхний» уровень юриспруденции, задающий способы онтологического, гносеологического и аксиологического обоснования права⁴⁷. Необходи-

⁴³ «Идеология, — пишет Ч. Варга, — это сознание, которое влияет на практику. Это часть культуры, устанавливающей рамки, в пределах которых мы интеллектуально воспринимаем мир» (Варга Ч. Загадка права и правового мышления. С. 60).

⁴⁴ В. А. Лекторский по этому поводу замечает: «Современная философия избавилась от многих иллюзий философии прошлой, в частности она сознает, что не может более быть окончательным арбитром в тех спорах, которые имеют место в разных сферах культуры, в том числе в науке, что она не может рекомендовать некоторые интеллектуальные и культурные практики в качестве единственно оправданных. Сегодня ясно, что не существует окончательного решения философской проблемы (если она действительно философская, а не научная, замаскированная под философскую), найти единственный «подлинный метод» философствования» (Лекторский В. А. Философия как понимание и трансформирование // Человек в мире знания: к 80-летию Владислава Александровича Лекторского / отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М., 2012, С. 36). «Мы вынуждены признать, — пишет Б. Мелкевик, — что философия права не может более претендовать на прояснение путей развития права... и что она не может обладать никакой «мудростью» или «знанием», допускающими вмешательство в сущность того, что является юридическим проектом... [Философия права] не дает никакого ответа или рецепта, но непредвзято участвует в обдумывании сложности современной юридической материи, которое мы все должны предпринять. Если это так, то философия права представляет собой не что иное, как дискуссию, следствием которой является ее открытый характер» (Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права. С. 16–17).

⁴⁵ Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 260–261.

⁴⁶ Там же. С. 261. — Это связано с тем, что научная новизна предполагает выход за рамки существующего знания, как правило, в область междисциплинарности. Такую трансценденцию как раз и задает философия, выступающая научной эвристикой.

⁴⁷ «Юриспруденция, — полагал В. В. Библихин, — способна только преподавать право как факт, но не обосновать его. Это задача философская» (Библихин В. В. Введение в философию права. М., 2005. С. 3).

димо заметить, что такое обоснование невозможно без участия всех трех уровней науки — и философского, и теоретического, и эмпирического. Эту функцию философия права (как уровень юридической науки, а не какая-то самостоятельная дисциплина) осуществляет особым способом — привлекая именно философское знание. Как именно?

Прежде всего, философия права проясняет смысл наиболее фундаментальных понятий юриспруденции — права, государства, нормы права⁴⁸ и др. Тем самым производится один из этапов формирования этих предельно общих для юридической науки понятий, дополняемых данными догмы права и практической юриспруденции. При этом используется аналогия из других областей знаний, метафоризация⁴⁹, метонимия. Исходные онтологические допущения, входящие важнейшим компонентом в научную картину мира, переводятся в юридическую сферу. Привлечение данных других наук, т. е. проведение междисциплинарных исследований, также относится в разряд философско-правовых исследований. Благодаря привлечению данных из других наук, т. е. междисциплинарности, возникает возможность увидеть старое в новом свете⁵⁰. Следовательно, философия права задает научную эвристику — формулирование рабочих гипотез, конструирующих направление научных исследований права. К онтологическим аспектам философии права относится ко всему прочему определение роли и значения права в обществе. При этом происходит «аксиологизация» онтологии — включение в обоснование права учения о ценностях.

Онтологическая проблематика философии права предполагает также разработку вопросов взаимосвязи юридической науки и социальной практики. Эти вопросы включают, во-первых, адаптацию социокультурных факторов применительно к юриспруденции (в том числе формулирование социального заказа для юридической науки и практики) и, во-вторых, выра-

⁴⁸ Для определения нормы права необходимо привлечение знаний о норме вообще и праве (признаках права); такие знания юриспруденция неизбежно черпает из философского курса.

⁴⁹ Сегодня считается доказанным, что фундаментальные научные понятия включают в себя метафоризацию явлений жизненного мира (ср. понятия «тело», «масса», «сила»). Это же характерно и для понятий «право» и «государство». «Так называемые чисто интеллектуальные концепты, например, понятия научной теории, часто (а возможно, и всегда) основаны на метафорах с физическим и/или культурными основаниями» (*Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. М., 2008. С. 43*). Чрезвычайно важные изыскательские работы на этот счет содержит лингвистика, в частности труды Э. Бенвениста, А. Вежбицкой, М. В. Ильина, Ю. С. Степанова.

⁵⁰ «Междисциплинарные взаимодействия... на современном этапе становятся все более значимым фактором роста научного знания. Новые результаты порождаются благодаря трансляции концептуальных средств и методов из одной дисциплины в другую. Целый ряд перспективных направлений в науке возник как раз за счет такого рода междисциплинарной трансляции (биохимия, биофизика, кибернетика, синергетика)... «Парадигмальные прививки» могут открывать новое поле научных проблем и затем обнаружить новые явления и законы, которые до этой прививки не попадали в сферу научного поиска. Примерами здесь могут служить формирование биохимии и биофизики, применение кибернетических методов в биологии, использование представлений и методов синергетики в естественных и социально-гуманитарных науках» (*Степин В. С. Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / под ред. В. А. Лекторского. М., 2009. С. 56, 60*).

ботку критериев оценки юридической практики, т. е. разработку вопросов эффективности права, смыкающуюся с определением значения юридической реальности в обществе. Все это относится к «политике права» как элементу философии права.

К этой онтологической проблематике примыкает определение предмета юридической науки. Так как предмет науки — это гносеологическое отношение субъекта и объекта познания, зависящее от того, как предварительно определяется объект — соответствующая реальность (в данном случае правовая), то определение предмета соответствующей конкретной научной дисциплины включает в себя вопросы и онтологии, и гносеологии. Важно иметь в виду, что это именно философско-правовая проблематика, так как определить предмет юриспруденции (как и любой другой научной дисциплины), оставаясь в рамках юридической науки, невозможно.

К гносеологической проблематике философии права относится определение критериев научности юридического знания — применение общих критериев научности к области юридического знания. Другой важной составляющей гносеологии права выступает адаптация общенаучных методов применительно к познанию правовых явлений.

К рассмотренной проблематике философии права примыкает ее мировоззренческая функция, связанная с формированием «правовой картины мира», т. е. с современным социокультурной и исторической ситуации общества правосознанием. Именно философия как мировоззрение обуславливает, например, предпочтение социологической, а не позитивистской или естественно-правовой ориентации теоретика права.

Отмеченные функции философии права, обозначенные выше, чрезвычайно сложны, неоднозначны, особенно в ситуации постклассики, и нуждаются в специальных исследованиях.

Таким образом, **философия права** — это онтологическое, гносеологическое и аксиологическое обоснование права философскими методами (определяющее что есть право, каково его значение в обществе, каков социальный заказ и критерии оценки юридической практики, предмет юридической науки, критерии ее научности и методы научного познания правовых явлений), представляющее собой «верхний» уровень юридической науки, обеспечивающий взаимодействие философии (рефлексии над основаниями культуры) с правоведением. Чтобы доказать свою состоятельность, философия права должна продемонстрировать человекообразность, практическую ориентированность⁵¹, открытость всему новому как знакам бытия в постметафизическую эпоху.

⁵¹ Об этом хорошо пишет Б. Мелкевик: «По нашему мнению, философия права является составной частью практической философии и функционирует под эгидой практической рациональности... В целом, такая философия заинтересована в исследовании действий и совершающих их акторов... Никогда нельзя упускать из вида, что право творится и осуществляется через действия и через совершающих их акторов — все то, что свершается в качестве “права”, совершается нами самими и ради нас самих» (Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права. С. 4). Главная проблема современной юридической науки, по мнению канадского философа и теоретика права, — ее оторванность от человека и его практических нужд (Там же. С. 53, 135, 136 и сл.).

Литература

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
- Бибихин В. В.* Введение в философию права. М.: ИФРАН, 2005. 345 с.
- Варга Ч.* Загадка права и правового мышления / пер. с англ. и венг.; сост. и науч. ред. М. В. Антонова. СПб.: ИД «Алеф Пресс», 2015. 409 с.
- Дворкин Р.* О правах всерьез / пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с.
- Исаев И. А.* *Política hermetica*: скрытые аспекты власти. М., 2003. 575 с.
- Исаев И. А.* Власть и закон в контексте иррационального. М.: Юристъ, 2006. 478 с.
- Исаев И. А.* Топос и номос: Пространства правопорядков. М.: Норма, 2007. 416 с.
- Исаев И. А.* Господство. Очерки политической философии. М.: Норма, 2008. 352 с.
- Исаев И. А.* Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М.: Проспект, 2009. 176 с.
- Исаев И. А.* Идея порядка в консервативной ретроспективе. М.: Проспект, 2011. 400 с.
- Исаев И. А.* Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. М.: Проспект, 2012. 368 с.
- Касавин И. Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение и социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 544 с.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
- Лекторский В. А.* Философия как понимание и трансформирование // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 31–40.
- Максимов С. И.* Концепция правовой реальности // Право Украины. 2013. № 4. С. 25–50.
- Малахов В. П.* Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 151 с.
- Марков Б. В.* Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. 566 с.
- Марков Б. В.* Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. 667 с.
- Мелкевик Б.* Юридическая практика в зеркале философии права / пер. с фр. и англ. М. В. Антонова, А. Н. Остроух, В. А. Токарева, Е. Уваровой и др.; отв. ред. М. В. Антонов. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. 288 с.
- Поляков А. В.* Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. тр. / редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) и др. Минск: Акад. МВД, 2012. С. 19–29.
- Поляков А. В.* Коммуникативное правопонимание: избр. труды. СПб.: ИД «Алеф-пресс», 2014. 573 с.
- Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.

- Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
- Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
- Степин В. С. Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / под ред. В. А. Лекторского. М.: Канон+, 2009. С. 41–64.
- Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: мат-лы междунар. науч. конф. «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред.: А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2012. С. 7–21.
- Хабермас Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011. С. 26–78.
- Харт Г. Понятие права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 302 с.
- Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1988. 241 s.
- Putnam H. *Reason, Truth, and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Posner R. *How Judges Think*. Cambridge: Harvard University Press, 2008. 387 p.

References

- Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [*The Individualized Society*]. Moscow, Logos Publ., 2002. 390 p. (In Russian)
- Bibikhin V. V. *Vvedenie v filosofiiu prava* [*Introduction to the philosophy of law*]. Moscow, IPhRAN Publ., 2005. 345 p. (In Russian)
- Dworkin R. *O pravakh vser'ez* [*Taking Rights Seriously*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 392 p. (In Russian)
- Habermas Yu. [Communicative action and detranscendentalized mind]. Habermas Yu. *Mezhdru naturalizmom i religiei. Filosofskie stat'i* [*Between naturalism and religion. Philosophical articles*]. Moscow, Publishing house "All the World", 2011, pp. 26–78. (In Russian)
- Hart G. *Poniatie prava* [*Concept of law*]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2007. 302 p. (In Russian)
- Isaev I. A. *Gospodstvo. Ocherki politicheskoi filosofii* [*Domination. Essays on political philosophy*]. Moscow, Norma Publ., 2008. 352 p. (In Russian)
- Isaev I. A. *Ideia poriadka v konservativnoi retrospektive* [*The Idea of a conservative order in retrospect*]. Moscow, Prospect Publ., 2011. 400 p. (In Russian)
- Isaev I. A. *Politica hermetica: skrytye aspekty vlasti* [*Politica hermetica: the hidden dimensions of power*]. Moscow, Yurist Publ., 2003. 575 p. (In Russian)
- Isaev I. A. *Solidarnost' kak voobrazhaemoe politiko-pravovoe sostoianie* [*Solidarity as an imaginary political and legal status*]. Moscow, Prospect Publ., 2009. 176 p. (In Russian)
- Isaev I. A. *Tenevaia storona zakona. Irratsional'noe v prave: monografiia* [*The Shady side of the law. Irrational in law: monograph*]. Moscow, Prospect Publ., 2012. 368 p. (In Russian)
- Isaev I. A. *Topos i nomos: Prostranstva pravoporiadkov* [*Topos and NOMOS: Space legal system*]. Moscow, Norma Publ., 2007. 416 p. (In Russian)

Isaev I. A. *Vlast' i zakon v kontekste irratsional'nogo* [Power and law in the context of the irrational]. Moscow, Yurist Publ., 2006. 478 p. (In Russian)

Kasavin I. T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie i sotsial'nuu epistemologiiu iazyka* [Text. Discourse. Context. Introduction and a social epistemology of language]. Moscow, Kanon+ Publ., 2008. 544 p. (In Russian)

Lakoff J. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things. What language tell us about the thinking]. Transl. from English by I. B. Shapunovskiy. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004. 792 p. (In Russian)

Lakoff J., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors that we live in]. 2-e pub. Moscow, Publishing house LKI, 2008. 256 p. (In Russian)

Lectorskiy B. A. [Philosophy as understanding and transforming]. *Chelovek v mire znaniia: K 80-letiiu Vladislava Aleksandrovicha Lektorskogo* [Man in the world knowledge: on the 80th anniversary of Vladislav Aleksandrovich Lectorskiy]. Eds. N. S. Avtonomov, B. I. Pruginin, T. G. Shchedrina. Moscow, Russian political encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2012, pp. 31–40. (In Russian)

Maksimov S. I. Kontseptsiiia pravovoi real'nosti [The Concept of legal reality]. *Pravo Ukrainy* [Law of Ukraine], 2013, no. 4, pp. 25–50. (In Russian)

Malakhov V. P. *Mify sovremennoi obshchepravovoi teorii: monografiia* [The Myths of modern legal theory: monograph]. Moscow, YUNITI-DANA: Law and right Publ., 2013. 151 p. (In Russian)

Malkevich B. *Iuridicheskaia praktika v zerkale filosofii prava* [Legal practice in the mirror of the philosophy of law]. Transl. from Fr. and Eng. M. V. Antonov, A. N. Ostroukh, V. A. Tokareva, E. Uvarova et al.; ed. by M. V. Antonov. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 288 p. (In Russian)

Markov B. V. *Liudi i znaki: antropologiya mezhlchnostnoi kommunikatsii* [The People and signs: anthropology interpersonal communication]. St. Petersburg, Science Publ., 2011. 667 p. (In Russian)

Markov B. V. *Znaki bytiia* [Sings of Genesis]. St. Petersburg, Science Publ., 2001. 566 p. (In Russian)

Polyakov A. B. *Kommunikativnoe pravoponimanie: izbr. trudy* [Communicative understanding of law: selected works]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2014. 573 p. (In Russian)

Polyakov A. V. [Communicative approach to law as a variant of post-classical legal consciousness]. *Klassicheskaya i postklassicheskaya metodologiya razvitiia iuridicheskoi nauki na sovremennom etape: sb. nauch. tr.* [Classical and post-Classical methodology of the legal science development at the present stage: collection of scientific works]. Ed. A. L. Savenok etc. Minsk, Acad. MIA Publ., 2012, pp. 19–29. (In Russian)

Rorty R. *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the mirror of nature]. Novosibirsk, Publishing house Novosib. University press, 1997. 320 p. (In Russian)

Stepin V. S. [Constructivism and the problem of scientific ontologies]. *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructivist approach in epistemology and the sciences of man]. Ed. by V. A. Lectorskiy. Moscow, Kanon+ Publ., 2009, pp. 41–64. (In Russian)

Stepin V. S. [Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution]. *Ratsional'nost' i ee granitsy: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. "Ratsional'nost' i ee granitsy" v ramkakh zasedaniia Mezhdunarodnogo instituta filosofii v Moskve (15–18 sentiabria 2011 g.)* [Rationality and its limits: proceedings of the international scientific conference "Rationality and its limits" in the framework of the meeting of International Institute of philosophy in Moscow (15–18 September 2011)]. RAS, Institute

of philosophy; ed. by A. A. Guseynov, V. A. Lectorskiy. Moscow, IPHRAN Publ., 2012, pp. 7–21. (In Russian)

Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [*Theoretical knowledge*]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2000. 744 p. (In Russian)

Stepin V. S. *Tsivilizatsiia i kul'tura* [*Civilization and culture*]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2011. 408 p. (In Russian)

Varga H. *Zagadka prava i pravovogo myshleniia* [*The Mystery of law and legal thinking*]. Transl. from English and Hungarian; Comp. and ed. by M. V. Antonov. St. Petersburg, Aleph Press, 2015. 409 p. (In Russian)